

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ПРЕКРАСНОЕ КАК КАТЕГОРИЯ ИСКУССТВА

Аннотация. Среди различных слов, выражающих представление о прекрасном и его разновидностях, таких, как изящество, утонченность, прелесть, шарм, грациозность, великолепие, блеск, понятие красоты занимает особое место. Оно выражает наиболее общее их свойство, которое находит свое выражение во внешней форме, внешней организации вещи, действия события.

Ключевые слова: филология, эстетика, литература, прекрасное, красота, утонченность, культура, искусство, категория, традиция, явление.

Прекрасное — категория эстетики, которое выражает представление о красоте, об эстетическом или художественном совершенстве явлений природы, искусства и социальной жизни. В противоположность полезному или утилитарному прекрасное носит бескорыстный характер. Именно поэтому оно связано с эстетическим идеалом. «Если прекрасное характеризует внутреннюю сущность эстетического явления в его отношении к совершенству и абсолюту, то красота — эстетическую значимость внешней организованности явления»¹. Прекрасное — есть форма истины. Чувство прекрасного — особая способность восприятия действительного. Это означает, что существует рациональность иррационального, иначе говоря, разумность чувств, в которых субъективное именно в силу своей субъективности проявляется как объективное, как познание.

Чувство прекрасного появляется на высшей ступени развития и усложнения восприятия, будучи как бы «совосприятием». Мы воспринимаем не только отдельные впечатления, суждения и эмоции, но и то общее и высшее, что делает их возможными. Однако мы едва ли в состоянии четко отличить высшее от единичного и зачастую становимся беспомощными, когда следует прямо сказать, чем же является это высшее, эта таинственная действительность прекрасного.

Несмотря на различие культур, в каждой из них такие принципы, как полезность, нравственность, красота, являются плоскостями, которые отражают

возможности человеческого восприятия и поведения. Можно предположить, что красота есть способ опосредованного проявления блага, которое Платон рассматривал как высший принцип. К непосредственным формам блага относятся полезное и нравственное. Путеводной звездой нравственного является выход за пределы слепого эгоистического понимания пользы. В действительности для меня полезно не то, что полезно только для меня, но то, что полезно ближнему, общности, обществу.

Проблема смысла и проблема истинных интересов теперь стоят перед всем обществом так же, как они прежде стояли перед индивидом. Можно предположить, что врожденное и развиваемое культурой чувство прекрасного является «совосприятием» определенных сторон общего смысла, а именно тех сторон жизни, которые необходимы, но не являются непосредственно полезными. Находясь на высокогорном лугу, человек наслаждается миром и гармонией в природе, то есть воспринимает как прекрасное то, что называет экологическим равновесием. Пренебрегая красотой природы как экономически несущественной и разрушая ее, человечество может оказаться на грани безумия. Было бы абсурдно утверждать, что мы не должны изменять природу. Но чувство прекрасного дано нам не для того, чтобы и свои собственные труды измерять совсем иным масштабом, чем тот, который мы считаем полезным, ослепленные своим живущим данным мгновением «Я».

По сравнению с другими эстетическими категориями прекрасное было в истории эстетики категорией «привилегированной», что подтверждается кратким

¹ Конев В.А. Красота // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М., 2000. С. 170.

обзором взглядов Платона, Плотина, Августина, Фомы Аквинского, Канта, Гегеля. Можно даже утверждать, что большая часть европейской эстетики фактически является историей прекрасного, историей его видоизменений, интерпретации, его воздействия применительно к искусству. Почти безусловная гегемония и абсолютизация этой категории объяснялась связью прекрасного с внеэстетическим содержанием (как философским, так и социальным). По сравнению с другими эстетическими категориями исторически обусловленное понимание прекрасного имеет более широкий объем, выходящий далеко за рамки его эстетического смысла.

С изменением социальных функций искусства в современную эпоху меняется и содержательный смысл эстетических категорий. Общая тенденция современной эстетики в понимании прекрасного в том, что уменьшается объем категории прекрасного по сравнению с характерной для истории эстетики традицией, в которой прекрасное выступало также как моральная оценка, как духовная ценность, а для некоторых философов и эстетиков - и как метафизический ноумен. Современная эстетика знает только конкретные прекрасные предметы, причем не всегда, не для всех и не в любой ситуации один и тот же предмет (или совокупность предметов) является прекрасным.

Произведение искусства может волновать современного человека, но оно не обязательно при этом должно быть прекрасно. Это явление связано с новым отношением к искусству, приводит к падению значимости традиционной формулы прекрасного, по крайней мере в той ее интерпретации, в какой она до сих пор понималась. Тенденция к стиранию границ между искусством и другими явлениями не только приводит к пониманию условности и текучести этих границ, но и определяет качество впечатлений, получаемых реципиентами искусства. Вполне естественно, что с этими феноменами неразрывно связаны и попытки их теоретического обобщения в виде новых эстетических концепций. Разрабатываются, в частности, новые критерии оценки произведений искусства и новые категории, призванные «заменить» понятие прекрасного и выполнять ранее присущие ему функции. К таким категориям относятся: экспрессия, удовольствие, растроганность, беспокойство и др.

Можно выделить несколько типов красоты: античная (пропорциональная), одухотворенная (эстетика средневековья), зрелая (эстетика Возрождения), романтическая и современная. Специфика этой области эстетики состоит в том, что здесь человек является не только субъектом и творцом эстетической оценки, но

и ее объектом. Выявление механизмов постоянного изменения критериев оценки внешнего вида человека весьма интересно и плодотворно, ибо, указывая на изменчивость идеалов, оно позволяет в каждом отдельном случае выяснить специфику социальной и философской детерминации этой оценки.

Каким образом характерный для нынешней эпохи кризис традиционного понимания прекрасного отражается на современных требованиях к красоте? Хотя современный идеал красоты не получил еще исчерпывающего описания в теоретических категориях, уже можно выявить его основные критерии: существует несомненная связь между основными направлениями современного искусства и развитием художественных критериев оценки красоты. Антиописательность как основная черта современного искусства, неразрывно связана с приданием значимости экспрессии и отказом от таких классических критериев оценки, как пропорции, гармония, которые зачастую (например, в греческом искусстве) предполагали отсутствие индивидуального выражения.

Имеющее место постоянное расширение сферы эстетической восприимчивости современного человека, который все чаще начинает трактовать себя как наследника не только классического искусства и средиземноморской культуры, но и искусства и культуры всех времен и народов, приводит к тому, что у него (в результате контакта с искусством и культурой Африки и Азии) изменяется представление об идеальной красоте.

Средства массовой информации и рекламируемые ими образцы идеальных мужчин и женщин повлияли на возникновение понятия антикрасоты (некрасивый, но интересный). Увеличение заботы о физическом здоровье, проявляющееся в заинтересованности спортом, приводит к молодежно-спортивному образцу красивого человека. Обусловленная всеобщим распространением научной деятельности забота о психической «годности» человека приводит к появлению новых критериев его оценки, отбрасывающих идеал бездушной, неосмысленной, невыразительной красоты.

Растущее значение индивидуальности и «мода» на психологизм (достаточно указать на интерес к психоанализу) приводит к тому, что наиболее значимыми в человеке оказываются его внутренние состояния. В этой ситуации вид человека, его лицо трактуются, прежде всего, как показатель психической экспрессии, эмоционального и интеллектуального опыта и переживаний.

Характерная для нашего времени погоня за общепризнанностью и оригинальностью приводит в сфере внешнего вида к поиску непохожести, «инаковости»

отдельных личностей: часто эта «инаковость» оказывается основным, а порою и единственным критерием оценки вида человека.

Демократизация культуры в широком смысле слова, возможность быстрого повторения возникающих образцов приводит к тому, что длительность их существования резко сокращается: этим объясняется многообразие образцов и критериев, функционирующих почти одновременно в одной и той же общности и в одном и том же типе культуры.

Олицетворением красоты в классический период является прекрасный человек, в котором соединились все достоинства, как внешние, так и внутренние (Аристотель). Любовь к прекрасному была также необходимым элементом жизни полиса (Фукидид), так как прекрасными считались такие социальные атрибуты гражданина, как слава, достоинство, честь, имущество, свобода от унижающего труда (Аристотель). Красота, с одной стороны, могла и должна была доставлять удовольствие, а с другой — быть неотделимой от пользы (Сократ, Цицерон). При известных условиях красоту можно отождествлять с добром (Платон). Упадок греческих городов-государств, распад их социальных институтов выразился в эпоху эллинизма в том, что понятие красоты в искусстве и обществе было соотнесено с естественной красотой, которая, по мнению стоиков, разлита в природе и космосе.

Прекрасное не отличается такими свойствами, которые оставалось бы лишь распознать в предмете, — оно должно быть засвидетельствовано субъективным моментом, а именно возрастанием чувства жизни в гармоническом соответствии способности воображения и рассудка. Перед лицом прекрасного в природе и искусстве оживает вся целокупность наших духовных сил, их вольная игра.

Феномен прекрасного, который раскрывает искусство, представляется одной из самых ясных и очевидных сторон человеческого опыта. Он не окутан таким туманом таинственности, как религия или мифология, не требует такого же уровня знаний, как наука. Мы живем в мире красоты, и нам это кажется вполне естественным. Нас окружают великолепные архитектурные сооружения, мы любуемся живописными полотнами, для нас звучат величественные аккорды музыки. Тем не менее, в течение многих тысячелетий феномен прекрасного представлял собой загадку. Русский поэт Николай Заболоцкий увидел некрасивую девочку. Ее лицо было лишено тонкости, гармоничности. Но она была беспечной, радостной. Поэт написал такие строчки: «...что такое красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Да, действительно, красота бывает броской, требовательно-навязчивой. Но красота может оказаться тихой, покойной. Это свет изнутри. Он не обжигает, а согревает. Здесь воспользуемся рассказом русского писателя Глеба Иванович Успенского «Выпрямила». Герой повести вышел из гостиницы и совершенно неожиданно доплелся до Лувра. Он пишет о себе так: «Без малейшей нравственной потребности вошел я в сени музея; войдя в музей, я машинально ходил туда и сюда, машинально смотрел на античную скульптуру, в которой, разумеется, ... ровно ничего не понимал, а чувствовал только усталость, шум в ушах и колотье в висках; — и вдруг, и вдруг в полном недоумении, сам не зная почему, пораженный чем-то необычным, непостижимым, остановился перед Венерой Милосской в той большой комнате, которую всякий, бывший в Лувре, знает и, наверное, помнит во всех подробностях.

Я стоял перед ней, смотрел на нее и непрестанно спрашивал самого себя: «Что же такое со мной случилось?» Я спрашивал себя об этом с первого момента, как только увидел статую, потому что с этого же момента я почувствовал, что со мною случилась большая радость... До сих пор я был похож (я так ощутил вдруг) вот на эту скомканную в руке перчатку. Похожа она видом на руку человеческую? Нет, это просто какой-то кожаный комок. Но вот я дунул в нее, и она стала похожа на человеческую руку. Что-то чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно так, когда человек растет, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом.

Я в оба глаза смотрел на эту каменную загадку, допытываясь, отчего так это вышло? Что это такое? Где и в чем тайна этого твердого, покойного, радостного состояния всего моего существа, неведомо как влившегося в меня? И решительно не мог ответить себе ни на один вопрос; я чувствовал, что нет на языке такого слова, которое могло бы определить животворящую тайну этого каменного существа...

С этого дня я почувствовал не то что потребность, а прямо необходимость, неизбежного самого, так сказать, безукоризненного поведения: сказать что-нибудь не то, что должно, хотя бы даже для того, чтобы не обидеть человека, смолчать о чем-нибудь нехорошем, затаив его в себе, сказать пустую, ничего не значащую фразу, единственно из приличия, делать ка-

кое-нибудь дело, которое могло бы отозваться в моей душе малейшим стеснением или, напротив, могло малейшим образом стеснить чужую душу, — теперь с этого памятного дня, сделалось невыносимым; это значило потерять счастье ощущать себя человеком, которое мне знакомо и которое я не смел убавить даже на волосок...

И все-таки я не мог бы определить, в чем заключается тайна этого художественного произведения и что именно, какие черты, какие линии животворят, «выпрямляют» и расширяют скомканную человеческую душу. Я постоянно думал об этом и все-таки ничего не мог бы переделать и высказать определенного...

И мысль о том, когда, каким образом человеческое существо будет распрямлено до тех пределов, которые сулит каменная загадка, не разрешая вопроса, тем не менее рисует в вашем воображении бесконечные перспективы человеческого становления, человеческой

будущности и зарождает в сердце живую скорбь о несовершенстве современного человека.

Художник создал вам образчик такого человеческого существа, которое вы, считающий себя человеком и живя в теперешнем человеческом обществе, решительно не можете представить способным принять малейшее участие в том порядке жизни, до которого вы дожили. Ваше воображение отказывается представить себе это человеческое существо, в каком бы то ни было из теперешних человеческих положений, не нарушая его красоты. Но так как нарушить эту красоту, скомкать ее, искалечить ее в теперешний человеческий тип — дело невыносимое, невозможно, то мысль ваша, печальясь о бесконечной «юдоли» настоящего, не может не уноситься мечтою в какое-то бесконечно светлое будущее. И желание выпрямить, высвободить искалеченного теперешнего человека для этого светлого будущего, даже и очертаний уже определенных не имеющего, радостно возникает в душе»².

² Успенский Г.И. Собр. соч. Т. 7. М., 1957. С. 246-254.